

РАСПАД УЛУСА ДЖУЧИ И ЭЛЕМЕНТЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Искандер Лерунович Измайлов

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань

Подходы к теме

Вне всякого сомнения, тема истории тюрко-татарских государств как наследников Улуса Джучи всегда вызывала повышенное внимание исследователей. Их привлекала главным образом политическая история, так сказать, внешняя канва событий. В отечественной историографии это было, чаще всего, изложение религиозной и политической борьбы Русского государства с «осколками Золотой Орды» и ликвидации внешней угрозы. За пределами

этой историографии оставались не только сюжеты, противоречащие этой схеме, такие как союзнические и вполне дружественные отношения Москвы с некоторыми ханствами в разные периоды времени, но и общий взгляд на эти взаимоотношения, как борьбу стран-эпигонов за гегемонию на территории Улуса Джучи. Впервые на этот аспект проблемы обратил внимание Э. Кинан [Keenan, 1967, p. 548–558; Кинан, 1995, с. 66–81], который подчеркнул, что Московия выступала в этой борьбе в качестве одного из элементов «большой игры», а не внешнего явления. Данная точка зрения долгое время не воспринималась российскими учеными. Только в последнее время начался некоторый сдвиг в этом отношении [см.: Хорошкевич, 2001].

Однако под вуалью этих бурных политических событий, на изучение которых накладывает довольно негативный отпечаток последующая колониальная экспансия, имеющая явный религиозный подтекст, остаются сложные внутренние процессы в тюрко-татарских государствах. Особое значение для понимания внутренней динамики развития этих государств имеют аспекты их общего наследия и внутриджучидского этносоциального и религиозного единства. Подобные аспекты проблемы остаются еще слабо изученными и недостаточно проясненными. Попытки подхода к этой проблеме только начинаются (см.: [Исхаков, 1995, с. 95–107; Исхаков, 2004; Исхаков, Измайлов, 2001, с. 96–100; Исхаков, Измайлов, 2007, с. 210–314; Султанов, 2006]).

Значительную роль в постановке этой проблемы и формировании подходов к ее решению сыграл М.А. Усманов. Именно по его настоятельной просьбе статья с изложением некоторых основных аспектов этой темы была написана для соответствующего тома «Истории татар» [Измайлов, 2009d, с. 724–730]. Важнейшим требованием его к изложению данной проблемы было стремление дать общий взгляд, охватывающий не одно государство, а всю их совокупность, стремление показать их развитие на общем фоне истории Восточной Европы и выявления общей динамики, характерной для развития всех этих тюрко-татарских обществ. Иными словами, она является не только продолжением размышлений автора над ее решением, но и развитием тех плодотворных ее обсуждений с М.А. Усмановым, которые сопровождали написание данного раздела монографии.

Улус Джучи в XV в.: агония единой империи

В конце XIV в. Улус Джучи в силу стечения целого ряда причин вступает в полосу кризиса [Измайлов, 2009а, с. 682–686, 691–694; Шамильоглу, 2009, с. 686–690]. Политическая междоусобица, поразившая Улус Джучи во второй половине XIV в., продолжилась в XV в., сотрясая основу само-

го существования средневековой империи Джучидов (см.: [Греков, Якубовский, 1950, с. 261–298; Сафаргалиев, 1960, с. 101–136; Измайлов, 2009, с. 695–705; Миргалеев, 2009, с. 706–712; Измайлов, 2009, с. 712–723]). Почти столетие, вплоть до 1502 г. происходил процесс постепенного, но неуклонного распада Улуса Джучи на самостоятельные владения. Долгая агония государственности указывает на то, что скрепы единства были достаточно прочными. Борьба между центробежными и центростремительными силами велась практически постоянно и ожесточение ее показывает, что инерция сохранения единства не была исчерпана очень долгое время.

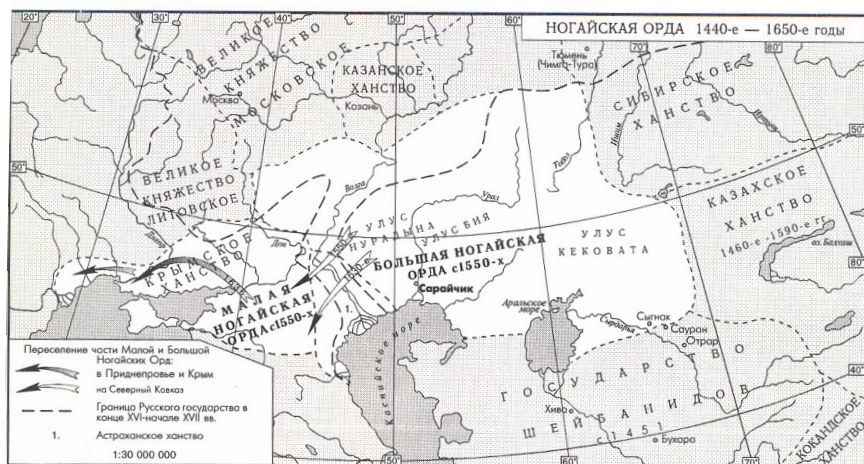

Рис. 1. Ногайская орда и тюрко-татарские государства в XV–XVII вв.

Начало этим процессам было положено еще в 1420–1430-е гг., когда единая держава фактически распадается на несколько ханств и владений (см.: [Сафаргалиев, 1960, с. 172–231]). Наиболее значительными среди них были Казанское (1438–1556 гг.), Крымское (1428–1783 гг.), Сибирское (1420–1598 гг.), Астраханское (1459/1502–1556 гг.), Казахское (1465–1715 гг.) и Узбекское (1428–1468 гг.) ханства, а также Большая Орда (1440-е – 1502 гг.) и Ногайская Орда (1480–1613 гг.) [Атыгаев, 2006; Бахтин, 2008; Зайцев, 2004; Исаков, 2004; Исаков, 2006; Исаков, Измайлов, 2005; Сафаргалиев, 1960, с. 232–272; Султанов, 1982; Трепавлов, 2001; Трепавлов, 2010; Уксенбай, 2011, с. 22–39; Уксенбай, 2013; Худяков, 1990; Frank, 1994, pp. 1–27]. Несколько иное, хотя и родственное происхождение имели Касимовское ханство (царство) и несколько татарских владений близ литовских границ (Джаголдай) и поселения татарской аристократии в Великом Литовском

княжестве (польско-литовские татары). Все они имели свою особую историческую судьбу и этнокультурные различия. После распада Улуса Джучи в середине XV в. началось формирование новых этнических общностей, имевших свои локальные самоназвания, а термин «татар» становится политонимом. Объединяют их также государственные и культурно-языковые традиции Улуса Джучи. Именно они служили важнейшим фактором единства постордынского мира.

Крушение центральной власти стало реальностью, когда в 1419/1420 г. улуг карачи бек Идегей потерпел поражение и погиб в битве с сыновьями Токтамышом [Измайлов, 2009с, с. 720–723]. С этого момента объединения всего Улуса Джучи под властью одного хана случались лишь эпизодически и лишь на весьма ограниченный срок. Фактически начался окончательный распад единой империи. В стране появилось несколько претендентов на власть, фактически разделивших страну на отдельные владения. В западной части Улуса Джучи при поддержке Великого княжества Литовского верх взял Улуг-Мухаммад, а в восточной – началась ожесточенная борьба между различными династиями Чингизидов [Сафаргалиев, 1960, с. 201–231; Уксенбай, 2013, с. 227–252].

В этот период Кок-Орда выделилась из состава Улуса Джучи. В принципе, считать это явлением случайным нельзя. Кок-Орда всегда представляла собой определенную автономию и время от времени становилась самостоятельным владением [Греков, Якубовский, 1950, с. 295–335; Allsen, 1985, р. 5–40; Уксенбай, 2013, с. 114–226]. Но всегда правители Улуса Джучи и его восточного улуса прекрасно представляли свои права и место в иерархии Джучидов. Неудивительно, что именно ханы Кок-Орды в период смуты 60-х – 80-х гг. XIV в. боролись за единство империи. Особенности этих военно-политических событий отражены в различных источниках и целом ряде исследований, что позволяет представить последовательность этих событий [Греков, Якубовский, 1950, с. 406–428; Сафаргалиев, 1960, с. 172–231; Измайлов, 2009b, с. 695–705]. Суть, как это следует из анализа источников, была в стремлении различных клановых группировок захватить и подчинить себе рычаги центральной власти, а отнюдь не «сепаратизм феодальной знати», как считала советская историография. До тех пор, пока центр контролировал важнейшие торговые и финансовые потоки, сохранялось стремление к централизации. Но по мере их оскудения и ослабления контроля над ними со стороны столичной знати, центробежные процессы начинают превалировать над центростремительными.

Во главе процессов обособления стал улус Шибана, правителем которого был Хаджи-Мухаммад (1420–1430 гг.) – сын Али и потомок Бахадура, второго сына Шибана и внука Джучи. В период междоусобицы

в 1416–1420 гг. он поддерживал Идегея в борьбе за власть, сражаясь в его войске против Кадыр-Бирди. После гибели Идегея, Хаджи-Мухаммад не признал хана Улуг-Мухаммада и при поддержке сына Идегея ногойского мурзы Мансура, объединив улусы правого крыла Кок-Орды, основал Сибирское (в русской традиции Тюменское) ханство с центром в городе Чимги-Тура (на месте современного города Тюмень), где и был провозглашен ханом. В 1421 г. он вступил в борьбу с другим ханом левого крыла Кок-Орды Бараком, но потерпел неудачу и был вынужден подчиниться его власти. Барак также начинал свою карьеру при дворе Идегея, но после его смерти бежал в Самарканд к Тимуриду Улугбеку. Заручившись его военной поддержкой, он победоносно вернулся в Кок-Орду и подчинил ее эмиров своей власти. В 1421–1422 г. хан Барак вторгся в Поволжье и нанес поражение войскам Улуг-Мухаммада, заставив его отступить в Подолию. На короткое время он установил свою власть на большей части Улуса Джучи и в 1425 г. даже чеканил свою монету в Болгаре. Но в 1425–1426 гг. был разбит войсками Улуг-Мухаммада и отступил в Заволжье. Стремясь повысить свой авторитет у эмиров Кок-Орды, он вторгся в Среднюю Азию во владения своего недавнего благодетеля Улугбека. Нанес ему поражение и разорил Мавераннахр, образовав свое ханство с центром в Сыгнаке (см.: [Сафаргалиев, 1960, с. 201–231; Султанов, 1982; Уксенбай, 2013, с. 227–252]).

Но междоусобная братоубийственная война в Улусе Джучи продолжилась. Вновь локомотивом обособления выступили правящие кланы восточного крыла империи. Воспользовавшись ослаблением Барака в 1427 г., против него восстал Хаджи-Мухаммад. Хан Барак, потеряв войска кочевых беков, оказался неспособен противостоять соседям и на следующий год потерпел поражение в войне с Могулистаном. Хан Хаджи-Мухаммад стал самым могущественным претендентом на престол, объединив под своей властью сибирские улусы от рек Туры и Тобола до Ишима. Но когда он начал войну в Приаралье за объединение под его властью всей Кок-Орды, это вызвало мятежи сибирской знати. В конце 1428 или начале 1429 г. Хаджи-Мухаммаду удалось в битве при Джатар-Джалкин разгромить мятежные войска другого Шибанида Джумадыка, провозгласившего себя ханом. Но на пике своего могущества он сделал одну роковую ошибку. Он казнил незадачливого Джумадыка, но под давлением эмиров, вынужден был помиловать других своих родичей – Шибанидов. Уже на следующий год они вновь восстали, поддержанные войсками ногойских мурз под руководством внука Идегея Уккаса (Ваккаса). Мятежные Шибаниды провозгласили своим ханом Абулхайра, двоюродного племянника Хаджи-Мухаммада. В битве на реке Тобол Абулхайр разгромил войска Хаджи Мухаммада взял его в плен и казнил.

Усилившись войсками ряда татарских кланов во главе с кунгратами и мангытами, Абулхайр в 1431 г. вторгся в Хорезм, захватил его и основал новое ханство, так называемое Узбекское ханство. Победы над астраханским ханом и Тимуридами, позволили ему расширить свои владения. В 1446 г. он захватил низовья Сыр-Дарьи и сделал Сыгнак столицей своего ханства. Но он был недоволен могуществом эмиров. Стремясь укрепить свою власть, Абулхайр казнил мангытского карачибека Уккаса, что вызвало недовольство и мятежи кочевой знати. Воспользовавшись ослаблением ханства, в 1454 г. в его владения вторглись ойраты (джунгары) во главе с Уз-Тимур-тайши. В битве при Кук-Кушанах (близ Сыгнака) ойраты разгромили его войско, заставив его подписать мирный договор. Воспользовавшись военными поражениями, против него восстали мангыты и два Джучида Гирей и Джанибек, которые ушли в степь «казаковать» (т. е. вольно кочевать и совершать набеги, не признавая ничьей власти). В степях Семиречья они образовали из нескольких татарских родов новое ханство, получившее название «Казакское (Казахское) ханство». В 1468 г. Абулхайр предпринял поход в Моголистан, но во время похода умер и был погребен в Сыгнаке.

В западной части Улуса Джучи наступила в это время определенная стабилизация. После гибели Идегея во главе западной части Улуса Джучи стал Улуг-Мухаммад (Улу Махмед, царь Махмед – русских источников), которого поддерживал Великий князь Литовский Витовт. Этот хан являлся сыном Ичкеле-Хасана и происходил из рода Тука-Тимура, сына Джучи [Исхаков, 2002, с. 63–74; Исхаков, Измайлов, 2005, с. 6–19; Миргалеев, 2009, с. 706–712]. Эмиры Ак-Орды поддерживали его и признали его власть, о чем говорят монеты с его именем чеканенные в ряде улусов (Булгарские эмираты, города Нижнего Поволжья и т. д.). Но в 1421/1422 г. Улуг-Мухаммад потерпел поражение в войне с Бараком и отступил к границам Литвы. К 1425 г. Улуг-Мухаммад при помощи великого князя Витовта наносит поражение Бараку и вытесняет его из Поволжья. Утвердившись на сарайском престоле, Улуг-Мухаммад ведет активную политику, участвуя в походах против Руси и Ливонского ордена на стороне Литвы (поход на Псков (1426 г.), на Рязань (1427 г.)). Одновременно Улуг-Мухаммад ведет борьбу с мятежными Джучидами. Так он побеждает Даулет-Бирди, который погибает в этой борьбе и отбирает у него Крым (1430 г.). Усиление власти Улуг-Мухаммада повышает международный авторитет Золотой Орды. В 1428 г. Улуг-Мухаммад устанавливает дипломатические отношения с турецким султаном Мурадом II [Султанов, 1978]. Ему удается привести к подчинению даже Московское княжество, когда он, используя борьбу князей Василия II и Юрия Дмитриевича, укрепляет зависимость Москвы от Орды, выдав в 1432 г. ярлык на великое княжение Василию II, на условии выплаты регулярной дани [Гор-

ский, 2000, с. 142–143]. Усиление ханской власти Улуг-Мухаммадом вызвало недовольство части знати, особенно мангытских (ногайских) биев. Этим воспользовались Джучиды – противники хана Улуг-Мухаммада, – начав мятеж. Зимой 1436/7 г., против него выступил хан Кичи-Мухаммад, а на его сторону перешел эмир ногаев Науруз, сын Идегея. Их войска нанесли поражение Улуг-Мухаммаду, вынудив его отступить на север к русско-литовской границе (зима 1437 г.). Против Улуг-Мухаммада, укрепившегося в литовском пограничном городе Белёве, «благодарный» московский великий князь Василия II направил княжеские полки во главе со своими двоюродными братьями, которые численно превосходили татарские в несколько раз. Наступавшие полагали, что без труда смогут уничтожить некогда всемогущего хана. Однако в сражении 5 декабря 1437 г. московские войска потерпели сокрушительное поражение. Татары проявили стойкость, мужество и воинское мастерство, сокрушив превосходящее числом московское войско.

Перезимовав в литовских пределах, весной 1438 г. клан Улуг-Мухаммад, видимо, двинулся в Среднее Поволжье. По мнению ряда историков (В. Соловьев, М. Худяков, Р. Фахрутдинов и др.), именно в 1438 г. Улуг-Мухаммад подчинил Казань [Худяков, 1990, с. 25; Сафаргалиев, 1960, с. 224–256; Исхаков, Измайлов, 2005, с. 6–19; Измайлов, 2010, с. 108–117]. К этому времени в Болгарском улусе произошли значительные перемены. Уже к началу XIV века здесь сложилась стройная структура власти во главе с четырьмя татарскими кланами – Ширин, Аргын, Барын и Кыпчак, а ханскую власть здесь представлял один из Джучидов. Судя по позднетатарским источникам, наместником в этих землях был наследник престола. В это же время центр улуса из Болгара был перенесен в Казань. Это диктовалось тем, что Болгар был razорен московскими войсками в 1399 г. и быстро терял свое экономическое значение, а Казань, опираясь на развитый в хозяйственном отношении регион Приказанья (Казан Арты), стремительно набирала военно-политический вес. Когда в 1431 г. Болгар был razорен войсками князя Федора Палецкого Пестрого, вектор политического могущества окончательно склонился в пользу татарским кланов из Приказанья. Именно они призвали на казанский трон хана-изгнанника. Существует несколько точек зрения на то, был ли Улуг-Мухаммад казанским ханом или оставался ханом всей Золотой Орды. Как бы то ни было, татарская традиция считала именно его основателем нового ханства, а русские источники стали называть «царем казанским», т. е. ханом его сына Махмуда (Махмудека).

Закрепившись в Казани, Улуг-Мухаммад начал наступление на Московское княжество (Подробнее см.: [Худяков, 1990, с. 21–31; Горский, 2000, с. 143–148; Бахтин, 2008, с. 215–220]). Предлогом для военного давления на Москву являлось то, что Улуг-Мухаммад считал себя единственным за-

конным правителем Улуса Джучи, которому великий князь Московский был обязан выплачивать «ордынский выход». В 1439 г. Улуг-Мухаммад внезапно подошел к Москве, осадив ее, разорив окрестности. Результатом похода, видимо, стал мир между Москвой и Казанью. Однако в 1445 г. он неожиданно умирает. По некоторым версиям он был убит в результате заговора. Следующим правителем Казани был его сын Махмуд, ставший первым действительно фактически и юридически казанским ханом. В целом, Улуг-Мухаммад-хан был выдающимся государственным деятелем и полководцем Золотой Орды. При его правлении Золотая Орда в последний раз была объединена в единое государство, имевшее зафиксированные контакты со многими странами средневековой Евразии, в частности с Турцией. Его поражение знаменовало начало новой эпохи – татарских ханств. Огромная роль принадлежит ему и в становлении Казанского ханства – национального татарского государства, где правила династия хана из его рода. Тем самым его историческая личность как бы объединяет Золотую Орду и новое Казанское ханство, утверждая преемственность и последовательное развитие традиций.

Правителем западной части Улуса Джучи после изгнания Улуг-Мухаммада стал Кичи-Мухаммад (Кичи-Ахмед, Махмет – русских летописей) – сын Тимур-хана, внук Тимур-Кутлуга. Воспитывался, видимо, при дворе Идегея, а после его смерти правил самостоятельно в Заволжье при поддержке мангытов. В 1436 г., воспользовавшись ослаблением власти Улуг-Мухаммада в Улусе Джучи, Кичи-Мухаммад вторгся в Нижнее Поволжье, где на его сторону перешел улуг-карачибек Науруз, сын Идегея. В конце 1430-х – начале 1440-х гг. Кичи-Мухаммад укрепился в Подонье и Поволжье. Власть его заметно усилилась, о чем свидетельствует регулярный обмен посольствами с Москвой и выплата ею дани. В 1442/1443 г. Кичи-Мухаммад ходил походом на Русь, но был остановлен на Оке. В конце 40-х – 60-х гг. XV в. Сеид-Ахмед вытеснил Кичи-Мухаммада из Подонья. Воюя с Сеид-Ахматом, Кичи-Мухаммад пытался найти союзника в лице Московского княжества. Улус Кичи-Мухаммад стал последним осколком единой империи Джучидов – Улуг Улуса, чье название в русской кальке «Большая Орда» – стало наименованием этого государства у современников и русской историографии [Трепавлов, 2010].

Противником Кичи-Мухаммада являлся Сеид-Ахмед (Седи-Ахмет, Сиди-Яхмат – русских летописей), который являлся сыном Керим-Бирди и внуком Токтамышша. Находился при дворе Улуг-Мухаммада, но после ослабления его власти в середине 1430-х гг., выступил против него, традиционно опираясь на поддержку Литвы. После вытеснения Улуг-Мухаммада из степи Кичи-Мухаммадом в 1437 г., Сейид-Ахмед захватил Крым, сделав

его своим улусом, а в начале 1440-х гг. он занял все степное Причерноморье. Отсюда он проводил регулярные военные походы на соседей, стремясь подчинить их и укрепить свою власть. Особенно ожесточенными были его войны с западными соседями: в 1442 г. он вторгся в Подолию и доходил до Львова, а в 1444 г. воевал в Литве. Агрессивная политика хана вызвала недовольство внутри его собственного улуса.

Еще в 1420-е гг. Хаджи-Гирей провозгласил себя ханом, опираясь на поддержку крымских кланов. Но позднее был изгнан и долгое время жил в Литве и Польше. Ослабление Сеид-Ахмада помогло ему. Используя поддержку польского короля Казимира IV и опираясь на клан Ширин, султан Хаджи-Гирей в 1441 г. возвращается в Крым, основывая свое ханство. Уже в 1443 г. в Кырк-Ере он чеканит свою монету с титулом «Султан верховный» [Марков, 1896, с. 583], а в 1449 г. провозглашает себя ханом. Судя по всему, создание нового ханства поддерживали влиятельные кланы Крыма – Ширины, а также Яшлав (Сулждеут), Барыны и Аргыны. Позднее он отвоевал у Сеид-Ахмада все Северное Причерноморье. Сам же Сеид-Ахмад сумел нанести поражение Кичи-Мухаммаду и вытеснить его из Подонья (около 1449 г.), но в 1456 г. во время похода на Литву был разбит киевским князем Семеном Олельковичем и взят в плен. Поражение ослабило его улус, который был тотчас захвачен ханом Ахмадом.

Самым великим ханом Улуг Улуса (Большой Орды или Тахт эли, т. е. дворцовый улус) являлся хан Ахмед (Ахмат, Ахмут русских источников) хан Большой Орды (1459–1481 гг.) сын Кичи-Мухаммада (Подробнее см.: [Трепавлов, 2010]). Улус Ахмеда или Улуг Улус располагался в Нижнем Поволжье и Подонье. Московское великое княжество отказалось признать его власть, что вызвало вторжения татарских войск на Русь. Летом 1460 г. Ахмед совершил поход на Переяславль-Рязанский, но после безуспешной осады, отступил в степь. Очевидно, московский князь пошел на какие-то уступки хану, поскольку крупные вторжения на время прекратились.

В 1469 г. Ахмед, захватив улус Сеид-Ахмада, резко усилил свою власть, сделавшись самым могущественным ханом в западной части Улуса Джучи. Этот успех позволил ему в 1470-е гг. начать активные военно-дипломатические усилия, с целью повышения своего международного авторитета. В 1471–1474 гг. он вел переговоры с Венецией, обещая ей помощь в борьбе с Османской империей, а в 1470/71 г. установил союз с королем Речи Посполитой Казимиром IV. Целью военно-политических усилий Ахмеда было восстановление могущественного Улуса Джучи. Однако против усиления его власти выступили Крым и Москва. Война хана Ахмеда с Русью началась в ответ на нападение русского флота на Сарай и его разорение (1471 г.). В ответ на это Ахмед летом 1472 г. вторгся на Русь и, обойдя укрепления

на Оке, осадил и взял город Алексин. Надеясь ослабить власть Ахмада, московский князь Иван III устанавливает тесные связи с крымским ханом Менгли-Гиреем (1474 г.) и казанским ханом Ибрагимом (приезд султана Муртазы, 1472 г.). Союз трех государств – Руси, Казанского и Крымского ханства – являлся не только свидетельством стабильности новой системы, объединившихся против центра периферийных улусов, но и, по словам Э. Кинана, «определял в значительной степени восточноевропейскую историю в течение половины столетия» [Keenan, 1967, p. 552; Кинан, 1995, с. 75]

В 1476 г. хан Ахмед дважды вторгается в Крым, наносит поражение Менгли-Гирею, настаивая на своих правах на всю территорию Улуса Джучи (июнь 1477 г.). Укрепив свою власть в Орде, Ахмад отправляет посольство с требованием приезда Ивана III за ярлыком на княжение в Орду и выплаты дани (1476 г.) (Подробнее о военно-политических взаимоотношениях Москвы и Большой Орды см.: [Горский, 2000, с. 163–177; Хорошкевич, 2001]). После отказа Ивана III признать его суверенитет, хан Большой Орды начал готовиться к войне, но рост его могущества вызвал ответное недовольство соседей. Весной 1479 г. хан Менгли-Гирей, опираясь на поддержку Турции, занял Крым, а Казанское и Астраханское ханство вступили в союз против него.

В 1479/80 г. Ахмед возобновил союз с Казимиром VI и начал готовить большой поход на Москву. Летом 1480 г. Ахмед вторгся на Русь, но был остановлен на р. Угре (так называемое в русских летописях «Стояние на Угре»). Успешные действия Ивана III и набег крымского хана на Литву, помешали хану Ахмеду успешно закончить поход и не позволили Казимиру оказать ему военную поддержку. Простояв на Угре до ноября 1480 г. и, разорив окрестные области, Ахмед отступил. Фактическое поражение подорвало его власть в степи. Зимой 1400/1 г. против него выступили сибирский хан Айбак (Ибак) и ногайские мурзы Муса и Ямгурчи. В начале января 1401 г. они, внезапно напав на ставку хана Ахмеда в Подонье, разгромили ее и убили хана. После смерти хана Ахмада Большая Орда фактически распалась. Окончательно она перестала существовать, когда крымский хан Менгли-Гирей нанес поражение сыновьям Ахмада в 1502 г. С этого времени этот хан в своей титулатуре стал именовать себя ханом Улуг Улуса, претендуя на главенство среди других ханов Улуса Джучи. Однако это уже были скорее идеологические претензии, не подкрепленные реальной военно-политической силой и экономическими возможностями. К этому времени инерция централизации сменилась на центробежную.

Таким образом, после гибели Идегея распад Улуса Джучи оказался неизбежным. Стремительно распадавшаяся империя в течение восьмидесяти лет переживала жестокую агонию, а на ее территории возникли новые татарские ханства, создав новую этнополитическую ситуацию.

Татарская этносоциальная общность: черты единства

В результате наступившей после распада Улуса Джучи феодальной раздробленности, приведшей к становлению самостоятельных тюрко-татарских государств, в их границах в XV–XVI вв. сложился ряд взаимосвязанных позднезолотоордынских татарских этнических общностей, достаточно отчетливо прослеживаемые по культурно-языковым особенностям до настоящего времени. При сохранении социально престижного макроэтнонима «татар» в это время появляются новые этнонимы по имени хана (узбеки, шибаниды) или по названию местности, главного города (казанцы, крымцы, тюменцы). Некоторые из них, пройдя через процесс становления этносоциального организма, стали полноценными народами, иные распались и растворились среди других этносов. Однако почти все они, имея корни в истории Улуса Джучи, сохранили в своем составе сходные клановые (родоплеменные) группировки – *мангыт, барын, кыпчак, аргын, шишин, кунгра́т, селджиут* [Исхаков, 1995, с. 95–107; Исхаков, Измайлов, 2010, с. 178–203], а также общее обозначение военно-служилого сословия – «татары» [Исхаков, Измайлов, 2001; Исхаков, Измайлов, 2007].

Хотя эти этнические общности, которые в XV–XVI в. или позже (крымские татары и др.), переживали в рамках этих государств процесс превращения в новые этнополитические общности, на деле они сохраняли между собой обширные социальные, культурные и политические связи. Единым было, несмотря на определенные региональные клановые различия, и военно-служилое сословие – «служилые татары» русских источников. Кроме того, у этого сословия длительное время (до 1502 г.) продолжало существовать выступавшее в роли некоего этнического и политического «ядра» всех татарских общностей «материнское» объединение – Великое ханство (Большая Орда), своеобразная надежда на возможное объединение всех татарских государств в единую страну. Хотя подобная надежда была в определенной степени лишь политической иллюзией, она оказывала весьма значительное влияние на ситуацию в татарских государствах, формируя представление об этнополитическом единстве.

Главной опорой этнополитического единства всех тюрко-татарских государств, возникших на территории Золотой Орды, была правящая династия Чингизидов, которая на этих землях была представлена потомками Джучи. Именно Джучиды являлись коллективными собственниками этой территории, именно они являлись носителями «голубой крови» или «ак сөяк» («белой кости»), и только они правили на этой земле и имели на нее право (подробнее см.: [Султанов, 2006; Исхаков, Измайлов, 2007]). Сохранение этой тенденции в период существования тюрко-татарских государств лишний раз доказывает, что вся территория Улуса Джучи принадлежала исключительно

Джучидам и никакой даже выдающийся военачальник и государственный деятель не мог править, не возведя на престол хотя бы номинального хана из «алтын урука» («золотого рода») Чингиз-хана. Эта традиция существовала во всех государствах, возникших на территории Улуса Джучи. Отдельным исключением была Ногайская Орда, хотя и там бии правили, очевидно, при каком-то симбиозе с Джучидами. При этом различные ветви рода Джучидов стремились захватить определенные владения, которые позже называли своими «юртами». Так, Крым считался «юртом» Гирейдов, Хаджи-Тархан, как, видимо, и Улуг Улус (Большая Орда) – Тимур-Кутлуга, а Казань – «юртом Алибая и Алтыбая» (очевидно, фольклорные Алибек и Алтынбек) [Трепавлов, 2006, с. 181–188]. За этими представлениями, несомненно, стоит определенная историографическая и фольклорная традиция, закреплявшая за различными домами Джучидов их наследственные владения [Измайлов, 2006, с. 99–128]. В данном случае неважно насколько обоснованы и законны были эти права. Главное, что они были известны всем политическим силам Восточной Европы, которые строили планы, исходя из этих реалий политического мифа. Не так важно, что престол, как это было в Казани и Касимове, занимали султаны из различных родов. Главное, что определенное закрепление прав на эти владения было узаконено.

Другой стороной этой системы было то, что султаны из рода Джучи не являлись полновластными и абсолютными монархами. Их власть была не только существенно ограничена правящими кланами, но и само возведение на престол – подъем хана на белой кошке четырьмя карачибекками – символизировал, кому принадлежала реальная военно-политическая сила в тюрко-татарских государствах. Очень часто историки, описывая политические события в этих государствах, забывают об этих механизмах власти и управления.

Система эта была настолько устойчивой, что сохранялась весь период времени существования тюрко-государств вплоть до XVIII в. в Крымском ханстве и до XX в. в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, хотя сама номенклатура кланов и их влияние могли меняться во времени и в политическом пространстве бывшего Улуса Джучи.

Становым хребтом всей политической системы тюрко-татарских государств, как и самого Улуса Джучи, составляли правящие кланы, опиравшиеся на дружественные им татарские кланы, связанные с ними различными родственными и свойскими отношениями. Фактически вся совокупность этих кланов и являла собой военно-служилое сословие, реализовывающее свое право на земельные и иные формы владения через поддержку четырех правящих родов, которые, в свою очередь, властвовали от имени того или иного Джучида. Анализ структуры кланового строения всех татарских го-

сударств подводит к мысли о значительном ее сходстве и единстве на всей территории Улуса Джучи. Фундаментальным представляется также вывод о глубинной связи административно-политического устройства татарских ханств с клановой структурой правившего в этом государстве феодального сословия в лице четырех правящих кланов (подробнее см.: [Schamiloglu, 1984]). Практически во всех татарских ханствах (в первую очередь, Казанском, Крымском и Касимовском) эта система четырех карачибек-ов основывалась на военном могуществе кланов *ширин*, *барын*, *аргын* и *кыпчак*, которые в отдельных случаях трансформировались или вытеснялись другими – *мангыт*, *джалаир*, *кунграт*, *кийат* и т. д. Особенно подробно изучен этот вопрос в отношении клановой структуры Крымского ханства [Inalchik, 1979–1980, р. 445–467; Manz, 1987, р. 282–309], но и материалы других ханств показывают идентичность подобных структур. Особенно близким был клановый состав в Казанском, Крымском и Касимовском ханствах [Исхаков, 1995, с. 95–107; Исхаков, Измайлов, 2005, с. 63–67; Исхаков, Измайлов, 2007, с. 244–272]. В других тюрко-татарских государствах наличие подобной системы не вызывает сомнений, но изучена она еще недостаточно подробно. Тем не менее уже сейчас можно сделать вывод, что именно на этом клановом единстве и традиционном родстве этих кланов основывалось то, что называется этносословным единством татар, а через него – к этносоциальной общности средневековых татар [Исхаков, 1995, с. 95–107; Исхаков, Измайлов, 2010, с. 178–203].

Ограниченное количество источников не позволяет в деталях восстановить сложную систему взаимодействия кланов и сохранения их внутреннего единства при том, что территориальная и этнополитическая система в каждом татарском государстве была различной. Вероятно, ничто так не подчеркивает сословный характер татарской элиты, как эти внутриклановые связи при том, что их представители служили разным династиям Джучидов. Судя по некоторым историческим данным, связи эти сохранялись в XV–XVI вв. и были случаи, когда аристократы, вынужденные бежать из родных мест находили убежище среди представителей своих кланов в других ханствах. Как было, например, с беженцами из Казанского ханства в Сибири, и с ними же в Крыму. Причем на все попытки московских дипломатов затребовать их обратно, им неизменно отвечали, что они своих родичей не выдадут. Иными словами, это была не просто сословная, но и клановая солидарность. Принадлежность к татарскому сословию осознавалась и понималась через принадлежность к своему особому клану и только через него. Система взаимодействия кланов была действенной и устойчивой. В главных своих параметрах она мало чем отличалась от межсословных связей, которые про-изывали правящее сословие в Западной Европе. Просто для воссоздания

общей и детальной картины у нас не всегда хватает данных источников. К тому же функционирование этой системы в историографии представляется по-разному. Западноевропейским и российским специалистам легче понять, как общались и конфликтовали Йорки и Ланкастеры в войне Алой и Белой Роз, чем признать, что татарские аристократы имели ту же сословную структуру, те же обычаи и интересы, что и их братья по «голубой крови» и «белой кости» – западноевропейские рыцари.

Некоторым, хотя и небольшим исключением из этой клановой системы являлись мангыты, которые во второй половине XIV–XV вв. верой и правдой служили различным Джучидам, способствуя возвышению одних и падению других. Но в XVI в. правнуки легендарного Идегея решили, что даже номинальная власть хана является для них помехой [Трепавлов, 2001, с. 186–196]. Можно сказать, что султаны для них стали не просто марионетками, а своеобразными разменными монетами в большой дипломатической игре с другими татарскими ханствами, которых всегда были готовы пустить в ход, чтобы вмешаться в борьбу за престолонаследие или отправить в изгнание, если нужда в их услугах отпадала. Весь XVI в. прошел под эгидой и доминированием Ногайской Орды, пока экологическая катастрофа, эпидемии и военные поражения от калмыков (ойратов) не поставили их на грань гибели. Но при этом отдельная ветвь клана приаральских мангытов, доминировавшая в Мавераннахре, сумела взять после целого ряда военно-политических катаклизмов власть в Бухаре и основать свою династию бухарских эмиров, которая правила в ней вплоть до свержения ее Красной армией в 1920 г.

Тюрко-татарские общества XV–XVI вв. имели определенные локальные различия в культуре, что было связано со спецификой местной этнокультурной традиции, хозяйственными особенностями, влиянием соседей и т. д. Но одновременно существовала и единая доминанта – мощное тюрко-исламское культурное начало, сложившееся еще в рамках Золотой Орды [Измайлов, Усманов, 2009, с. 599–617]. Если попытаться кратко охарактеризовать культурную ситуацию рассматриваемого времени, ее можно было бы определить так: «эти общества, оставаясь по своим базовым чертам тюркскими, основывались на исламских ценностях, ставших инвариантом их культуры» [Исхаков, Измайлов, 2007, с. 273].

Вместе с тем это не должно закрывать от нас местное культурное своеобразие, связанные в первую очередь с определяющим влиянием соседей и особенностями их исламизации. Иначе и не могло быть – одно дело, когда ислам был унаследован, как в Казанском ханстве, как культурная традиция Волжской Булгарии, и совсем другое, когда мы сталкиваемся с периферией мусульманского мира в лице относительно поздно мусульманизированных

ногайцев и сибирских татар. Опыт анализа вопроса об исламизации тюрко-татарских групп Приуралья и Западной Сибири в XV–XVI вв. также позволяет заключить, что не только в XV в., но даже и в XVI в. исламизация их еще не была завершена [Frank, 2000, p. 245–262; Исаков, 2006, с. 51–68]. Сохранившиеся исторические предания сибирских татар довольно ясно свидетельствуют, что еще в период правления хана Кучума в Сибирском ханстве продолжалось «обучение Сибирского народа исламу», «шариату» или даже шло проведение «дела обращения [в ислам]... с большей настойчивостью и успехом» [Катанов, 1904, с. 3–28; Исаков, 1997; Исаков, 1998, с. 53–64]. Ясно, что этот ислам был довольно синкретичным по форме и кроме исламского пласта, содержал еще целый ряд традиционных верований и суеверий. Но при всех отмеченных нюансах ислам являлся в тюрко-татарских государствах XV–XVI вв. государственной религией, а мусульманское духовенство, как показывает анализ различных источников, имело в них не только разветвленную структуру и собственную иерархию, но и активно участвовало в политической жизни своих обществ.

Вне всякого сомнения, в культурной жизни этих обществ роль ислама была решающей, причем не только на уровне государственных институтов, дворцовых ведомств и феодального слоя, но и на низовом – народном уровне. Однако это не означает полного исчезновения на народном уровне доисламских верований – они сохранялись даже у казанских татар – речь идет о превращении ислама в некоторый стержень народной культуры, когда традиционные доисламские верования и представления постепенно, но неуклонно, превращались у всех групп татар всего лишь в наследие предков, в обрамление в целом мусульманской по своему духу культуры.

Отчасти уже было показано выше, все татарские общества не были сугубо аграрными (кочевыми), а имели значительный урбанистический потенциал. Уровень развития городской цивилизации в этих обществах был достаточно высоким. Например, возвышенный отзыв о столице Казанского ханства оставил поэт Шерефи Хаджитархани [Шерефи, 1995, с. 98]:

*Диво! Место увеселения в мире этот город Казань,
В мире нет больше такого города, дающего кров.
В мире нет больше такого цветущего города, как Казань,
В Казани еду-питье найдут всегда, таков он город Вселенной!*

Этот поэтический образ нельзя понимать только как гиперболу. Вокруг Казани находилась целая система городов и поселений, и каждый был средоточием хозяйственной и культурной жизни. Точно такая же урбанистическая зона существовала практически во всех татарских ханствах. Даже в Сибирском ханстве, где оседлое население было довольно дисперсным, были зоны более плотной оседлости, особенно в южных районах и вокруг крупных городов.

Относительно городов Крымского ханства сохранились наблюдения иностранцев, отмечавших красоту и размеры городов государства в XVI–XVII вв. [Fisher, 1987, p. 28–29]. В этих городах кипела культурная и хозяйственная жизнь, а средоточием ее являлся ханский дворец в Бахчисарае. В определенной мере XVI в. является временем расцвета городской культуры Крымского ханства, что доказывается и возникновением в это время в Крыму исторических, богословских и даже музыкальных сочинений.

Другим важным цивилизационным аспектом культуры тюрко-татарских обществ XV–XVI вв. было сохранение и развитие ими традиций государственного управления, церемоний, придворного этикета и посольских обычаев. Хотя многие стороны политического бытия этих обществ уже были рассмотрены, некоторые существенные моменты такого раздела, как государственная культура, еще не были затронуты. Имеются в виду государственные символы и культура дипломатики, а также церемониала. Понятно, что информации по указанным темам мало, к тому же по разным тюрко-татарским государствам она представлена неравномерно. Тем не менее даже из разрозненных данных можно сделать определенные выводы относительно некоторых особенностей средневековой тюрко-татарской цивилизации интересующего нас периода.

В особом отношении к сеидам в татарских государствах, отмеченном в источниках, также надо видеть проявление этикета и церемониала того времени. В частности, С. Герберштейн при описании церемонии встречи в 1524 г. казанской знатью недалеко от г. Казани султана Сафа-Гирея, приглашенного на казанский трон, указывает, что встреча была обставлена «с пышностью и почетом, ибо в этой свите (казанских беков – И.И.) был и сеид, верховный жрец татар». Далее этот автор сообщает, что сеид «пользуется у них такой властью и почетом, что при его приближении даже цари выходят ему навстречу, стоя предлагают ему руку – а он сидит на лошади и, склонив голову, прикасаются (к его руке): это позволено только царям, герцоги же касаются не руки его, а колен, знатные люди – ступней, а простой народ – только его платья или лошадей» [Герберштейн, 1988, с. 176]. Особое отношение к сеидам в позднезолотоордынских татарских государствах видно и в их титулах, в тех или иных формах отмеченных в ряде ханств: «руководитель великих», «величество учителей великих», переданных русскими и европейцами через понятия «великий бискуп», «великий анарый, або амир», «верховный жрец», «первосвященник» (подробнее см.: [Исхаков, 1997]). Понятно, что мусульмане Золотой Орды, особенно, видимо, аристократия и кочевое население, были объединены не только самим фактом принятия ислама в форме ханафитского мазхаба, но и через особый институт сейидов (сеидов), которые возводили свои генеалогии к общим предкам, жившим в эпоху Улуса Джучи и распространявшим ислам среди татар.

Важнейшим элементом, скреплявшим государственную власть и этносоциальную структуру общества, было историописание. Летописи и исторические труды создавались далеко не во всех государствах, возможно, в ряде случаев они просто не сохранились. К тому же по отдельным тюрко-татарским этнополитическим объединениям XV–XVI вв. они представлены неравномерно – относительно большое число исторических сочинений, написанных в первой половине XVI в. и дошедших до наших дней, происходит из Государства Шибанидов, точнее – из образовавшегося после его распада Бухарского ханства. Довольно мало сведений о собственном историописании сохранилось от Касимовского и Казанского ханств. Более цельная система исторических произведений сохранилась в Крымском ханстве. Из других синхронных позднезолотоордынских государств такие работы не известны (подробнее о традициях золотоордынского историописания см.: [Исхаков, Измайлов, 2007, с. 290–295; Измайлов, 2006, с. 99–128]. В сохранившихся исторических трудах можно отметить несколько важнейших элементов общности, которые показывают, что в конечном счете они восходят к более ранней джучидской историографии, в значительной мере продолжая ее. К этим же элементам единства относятся возведение предков правителей татарских ханств к роду Чингиз-хана, подчеркивание единства татарских кланов и их выдающаяся роль в сословной структуре постзолотоордынских ханств. Сравнение всех элементов этносоциальной и этнополитической структуры тюркских государств, созданных на территории Улуса Джучи, можно свести в единую систему (см. таблица 1).

Единство всех татар в позднезолотоордынских ханствах осознавалось достаточно отчетливо. Это ярко выражено в грамоте 1555 г. Ивану IV от бия Ногайской Орды Исмаила: «...Астрахани без царя и без татар быти нелзе, и ты Кайбулу царевича, царем учинив, одново отпусти. А похочешь Татар, ино Татар мы добудем. Татарове от нас буди» [Иван Васильевич, 1793, с. 209]. В этой цитате концентрированно выражена мысль, что татары для современников – это военно-служилое сословие, а не просто обозначение какого-либо народа. Эта цитата особенно важна тем, что она исходит от ногайского бия. Очевидно, что и для него знатное сословие именовалось татарским, поскольку если бы речь шла об этносе, то резонно было бы предполагать наименование знати в Астрахани ногайской. Даже если это не дословная, а смысловая передача русскими переводчиками текста грамоты Исмаила, то и тогда эта фраза является показателем того, что для современников конца XVI в. обычным было называть военное сословие «татарами», поскольку русские толмачи должны были передавать не экзотические термины, а обычную обиходную и общепонятную практику своего времени.

Таблица 1

Тюрко-татарские государства Северной Евразии XIII–XIV вв.

Татарские государства	Время существования	Правитель, династия	Правящие кланы	Деление улуса	Аристократия – податное сословие
Улус Джучи Улус Улус (Золотая Орда)	1208–1502	Хан, Джучиды	Кийат, Алчин, Найман; позднее – Кийат, Кунграт, Ширин, Мангыт	Два крыла	Татары – мусульмане
Улус Орды (Кок-Орда)	1240–1420	Хан, Джучиды: Тука-Тимуриды	Кийат, Кыпчак, Алчин, Найман + Мангыт	Два крыла (?)	Татары – мусульмане
Сибирское (Тюменское) ханство	1420–1598	Хан, Джучиды: Шибаниды	Джалаир, Кунграт, Сиджеут, Найман	Два крыла	Татары – ясачные татары
Казанское ханство	1437/45–1556	Хан, Джучиды: Тука-Тимуриды, Шибаниды, Гиреиды	Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак	Четыре даруги + «Мангытское место»	Татары – мусульмане = ясачные татары (и/или посошная чюваша)
Крымское ханство	1441/43–1783	Хан, Джучиды: Гиреиды.	Ширин, Барын, Аргын, Яшлав (Сулждеут), позднее – Мангыт	Четыре даруги	Татары – мусульмане, немусульманское податное население
Астраханское ханство	1459/1502–1556	Хан, Джучиды: Тука-Тимуриды	Хатай, Кунграт, Мангыт, Алчын	Два крыла	Татары – мусульмане
Казахское ханство	1465–1715	Хан, Джучиды: Урусханыды	Минг, Йуз, Кырк, Джалаир	Три жуза	Казаки (Казак) – сарт
Узбекское ханство (Государство кочевых узбеков), Бухарское ханство	1428–1468, 1500–1599	Хан, Джучиды: Шибаниды	Минг (Мангыт), Кунграт, Джалаир, Алчин и др.	Два крыла (правое и левое место от хана)	Узбеки (Татары) – сарты, тазики (таджики)
Ногайская Орда	1480–1613	Бий, Идегеиды	Мангыт	Два крыла	Ногаи (Татары?) - ?

Среди важнейших консолидирующих факторов было сохранение прежних социально-политических структур, клановой системы, восходящей к истории Улуса Джучи и объединявшей военно-служилую татарскую знать, а также мифологемы этнополитического единства и общая религия – ислам. Понятно, что мусульмане Золотой Орды, особенно, видимо, аристократия и кочевое население, были объединены не только самим фактом принятия ислама, но и через особый институт сейидов (сеидов), которые возводили свои генеалогии к общим предкам, жившим в эпоху Улуса Джучи. Перечисленные вполне реальные связи и механизмы социального и конфессионального единства, несомненно, основывались на золотоордынских этнополитических мифологемах и символах единства, основой которых на всей территории Улуса Джучи было представление о единстве татар как военно-служилого сословия, аристократии и «белой кости» всех стран, входивших прежде в Улус Джучи.

Литература

Allsen Th.T. The princes of the *Left Hand*: an introduction to the history of the Ulus of Orda in the thirteen and the early fourteen centuries / Th.T. Allsen. – *Archivum Eurasie medii Aevi*, V. – 1985. P. 5–40.

Fisher A. The Crimean Tatars / A. Fisher. – Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1987. – 264 p.

Frank A.J. Siberian chronicles and the Taybughid biys of Sibir / A.J. Frank. – *Papers on Inner Asia*. – Bloomington (Ind.), 27. – 1994. – P. 1–27.

Frank A.J. Varieties of islamization in Inner Asia: the case of Baraba Tatars. 1740–1917 / A.J. Frank. – *En Islam Siberian* (Cahiers du Monde Russe, 41/2-3, april-september 2000), 2000. – P. 245–262.

Inalchik H. The Khan and tribal aristocracy: The Crimean Khanat under Sahib Girai / H. Inalchik – *Harvard Ukrainian Studies*, 3–4 (1). – 1979–1980. – P. 445–467.

Keenan E. Muscovy and Kazan: Some introductory remarks in the patterns of steppe diplomacy / E. Keenan. – *Slavic Review*, 26 (4). – 1967. – P. 548–558.

Manz B.F. The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532 / B.F. Manz. – *Harvard Ukrainian studies*, 2–3. – 1987. – P. 282–309.

Schamiloglu U. The Qaraçi Beys of the Later Golden Horde: Notes on the organization of the Mongol world empire / U. Schamiloglu. – *Archivum Eurasie medii Aevi*, 4. – 1984. – P. 287–297.

Атыгаев Н.А. Время образования Казахского ханства: некоторые аспекты проблемы в историографии и источниках / Н.А. Атыгаев // *Отан тарихы*. – № 1. – 2006. – С. 96–107.

Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств / А.Г. Бахтин. – Йошкар-Ола, 2008. – 252 с.

Герберштейн С. Записки о Московии / С. Герберштейн. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 430 с.

- Горский А.А.* Москва и Орда / А.А. Горский. – М.: «Наука», 2000. – 214 с.
- Греков Б.Д.* Золотая Орда и ее падение / Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 428 с.
- Зайцев И.В.* Астраханское ханство / И.В. Зайцев. – М.: «Наука», 2004. – 303 с.
- Грамоты Великого Князя Иоанна Васильевича к Нагайским Мурзам и их к великому Князю Иоанну Васильевичу, с 1552 Апреля 29 дня, по 15 Генваря 1558 года // Продолжение Древней Российской вивлиофики. – Ч. IX. – СПб., 1793. – 968 с.
- Измайлов И.Л.* Нашествие Аксак-Тимура на Болгар: мнимая реальность и татарская историческая традиция / И.Л. Измайлов // Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. – Казань, 2006. – С. 99–128.
- Измайлов И.Л.* Экологические катаклизмы. Экономический и социально-политический кризисы / И.Л. Измайлов // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. – Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009а. – С. 682–686, 691–694.
- Измайлов И.Л.* Великая заматня / И.Л. Измайлов // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. – Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2009b. – С. 695–705.
- Измайлов И.Л.* Идегей и его время / И.Л. Измайлов // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. – Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009с. – С. 712–723.
- Измайлов И.Л.* Агония империи / И.Л. Измайлов // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. – Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009d. – С. 724–730.
- Измайлов И.Л.* Предыстория Казанского ханства: от улуса к юрту / И.Л. Измайлов // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. – Казань, 2010. – С. 108–117.
- Измайлов И.Л.* Ислам в Улусе Джучи / И.Л. Измайлов, М.А. Усманов // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. – Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – сер. XV в. – Казань, 2009. – С. 599–617.
- Исхаков Д.М.* К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств / Д.М. Исхаков // Панорама-Форум. – № 3. – 1995. – С. 95–107.
- Исхаков Д.М.* Сеиды в Сибирском ханстве / Д.М. Исхаков // Сибирские татары. Материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14–18 декабря 1998 г., Тобольск). – Тобольск, 1998. – С. 53–64.
- Исхаков Д.М.* О родословной хана Улуг-Мухаммеда / Д.М. Исхаков // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. – М.: «Наука», 2002. – С. 63–74.
- Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. / Д.М. Исхаков. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2004. – 132 с.
- Исхаков Д.М.* Введение в историю Сибирского ханства / Д.М. Исхаков. – Казань, 2006. – 196 с.
- Исхаков Д.М.* Сеиды в позднелазоордынских татарских государствах / Д.М. Исхаков. – Казань, 1997. – 78 с.

Исхаков Д.М. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV века / Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлов; под ред. Р.К. Уразмановой, С.В. Чешко. – М.: «Наука», 2001. – С. 41–100.

Исхаков Д.М. Введение в историю Казанского ханства. Очерки / Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлов. – Казань: Институт истории АН РТ, 2005. – 116 с.

Исхаков Д.М. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.) / Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлов. – Казань: РИЦ «Школа», 2007. – 356 с.

Исхаков Д.М. Татарские кланы Улуса Джучи: происхождение и место в системе власти / Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлов // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. – М.: Изд. Дом Марджани, 2013. – С. 178–203.

Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири / Н.Ф. Катанов // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Вып. IV. – Тобольск, 1904. – С. 3–28.

Кинан Э.Л. Москва и Казань: модель степной дипломатии / Э.Л. Кинан // Панаорама-Форум. – №1. 1995. – С. 66–81.

Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа / А.К. Марков. – СПб., 1896. – 872 с.

Миргалеев И.М. Правление Токтамыш-хана / И.М. Миргалеев // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. – Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – сер. XV в. – Казань, 2009. – С. 706–712.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды / М.Г. Сафаргалиев. – Саранск, 1960. – 276 с.

Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов / Т.И. Султанов // Тюркологический сборник. 1975. – 1978. – С. 234–285.

Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. / Т.И. Султанов. – М.: «Наука», 1982. – 133 с.

Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть / Т.И. Султанов. – М., 2006. – 445 с.

Трепавлов В.В. История Ногайского ханства / В.В. Трепавлов. – М.: Наука, 2001. – 752 с.

Трепавлов В.В. Среднее Поволжье в эпонимической терминологии позднего средневековья / В.В. Трепавлов // Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. – Казань, 2006. – С. 181–188.

Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории / В.В. Трепавлов. – Тула: Гриф и К., 2010. – 112 с.

Ускенбай К.З. Становление Казахского ханства и политической организации казахов (середина XV – начало XVII в.) / К.З. Ускенбай // Историко-культурный атлас казахского народа. – Алматы: Print-S., 2011. – С. 22–39.

Ускенбай К.З. Восточный Дешт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи / К.З. Ускенбай. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. – 288 с.

Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. / А.Л. Хорошкевич. – М.: Эдиторил УРСС, 2001. – 336 с.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства / М.Г. Худяков. – 2-е изд. – Казань: Фонд Татарского языка и культуры, 1990. – 310 с.

Шамильоглу Ю. Черная смерть и ее последствия / Ю. Шамильоглу // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. – Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – сер. XV в. – Казань, 2009. – С. 686–690.

Шерифи Х. Зафер наме-и Вилайет-и Казан / Х. Шерифи // Гасырлар авазы – Эхо веков. – Май. – 1995. – С. 83–92.